

Хотя порой о чень хочется наложить на себя эдак ую эпитимью и поснимать х оть полгода в монохроме, чтобы намеренно ограничить себя в выразительных средствах для их обос трения. Возможно, такая пора еще и придет, — пока же мне жалко ограничивать себя в инструментарии, так что вс третить между моих снимков монохромные весьма нелегко. Но все же — возможно, и рассказом о двух таких случаях я и хочу колонку завершить.

На мой вкус, одним из проявлений высшей математики монохрома можно считать монохром цветной: когда на снимке нет цвета, но не потому, что вы намеренно, технически, обрезали его, а потому, что его попросту нет в натуре. (Помню, мы снимали в Эстонии детский фильм по Линдгрэн, «Расмус-бродяга», и у режиссера был как раз такой замысел: чтобы все приютские сцены были сняты на цвет, но монохромны. Для этого я, ассистент по реквизиту на том фильме, отбирал в цветочном магазине минимально подкрашенные цикламены и искал бесцветные вазочки, а художник фильма ходил по лужайке с пульверизатором и опрыскивал травку известью.) Заглавный снимок нынешней «Записки» как раз и является собой такой вот «цветной монохром». Если вы загрузите его в Фотошоп и начнете анализировать цветовые составляющие любой точки, вы нигде не нарветесь на нуль, однако на взгляд — это черно-белый снимок. Но стоит его и впрямь лишить цветов (вариант рядом) — он, вместе с ними, лишается и глубины, и влажности, и, можно сказать, жизни.

Другая ситуация, в которой я предпочитаю отказываться от цвета (на сей раз уже убирая его из снимка реально), — это когда цвета на нем заведомо неинформативны, как часто бывает в процессе ночных городских съемок. Весь цвет, который оказывается в кадре, — это, как правило, либо желтоватый цвет ламп накаливания или ртутных фонарей, либо белый цвет ламп люминесцентных. (Для

правильного понимания замечу, что не все съемки ночных городов обязательно подпадают под такое определение, — не все, но, все-таки, заметное большинство.) Переведя подобный снимок в монохром, ты избавляешься от, что называется, «цветового занудства» — и снимок сразу начинает оживать и играть, ибо чем в таких ситуациях меньше цветовой радости, тем больше — световой, и она начинает демонстрировать себя во всю силу, освобожденная от отвлекающе-раздражающего цвета.

В таких ситуациях я всегда примеряю к обесцвеченному снимку стилизующую, облагораживающую сепию, и чаще всего она приходится впору, как на этом снимке: уголке пред рождественского Брюсселя под дождем. Для себя я называю его «Брюссельские привидения».

